

Лу Сяоци скосил глаза, невольно чувствуя одновременно беспомощность и веселье: с тех пор как малыш обнаружил у себя на животике проплешину, он ужасно расстроился.

Он так и лежал там неподвижно.

Непонятно почему, но Лу Сяоци вспомнил мутировавшего зверя из специального отряда их военного соединения, которому сбрили слишком длинную шерсть. Тот зверь свернулся в своем домике и не шевелился, целый месяц оплакивая свою жизнь, пока шерсть не отросла заново и к нему не вернулся прежний боевой дух.

Наверное, с малышом было то же самое.

Лу Сяоци провел ладонью по спинке крохи, и гладкое, мягкое ощущение от кончиков пальцев передалось прямо в сердце. Суровый и жесткий мужчина даже поймал себя на иллюзии, что сам стал чуточку мягче. Уставившись на мерцающий экран в ладони, главнокомандующий одной рукой поглаживал малыша и погрузился в раздумья.

Сам того не ведая, о чем он думает, Мо Гунгунь ощущал, как волны тепла непрерывным потоком льются со спины.

Свернувшийся пушистым шариком кроха не удержался, вытянул лапки, задрал маленький хвостик и блаженно прищурился, зажав в подушечках лап бамбуковый побег.

Мо Гунгунь смотрел на великое чудовище и даже забыл, что вообще-то находится в положении бродяги, не ночующего дома.

Ночь была безопасной и теплой, к тому же находилось вдоволь вкусной еды, так что Мо Гунгунь уже не так сильно рвался обратно в свое дупло.

Вытянув шейку, Мо Гунгунь украдкой покосился на сокровище в руках великого чудовища, а его яркие глазенки так и лучились любопытством.

Что это такое?

Какое оно черное, для чего служит? У великого чудовища просто гигантское количество вещей!

Не выдавший видов кроха замигал наивными черными глазками и осторожно пополз к экрану, продемонстрировав движения, страшно похожие на маленькую черепашку.

Лу Сяоци не смог сдержать улыбку.

Отбросив тяжелые мысли в сторону, Лу Сяоци позволил малышу проявить любопытство.

Мо Гунгунь — в сокровенной глубине души считавший себя очень умным — подполз к самому экрану, вытянул круглую голову и уставился на него в упор, а затем не удержался и ткнул крошечной передней лапкой. Раздался тихий звонкий писк, от которого Мо Гунгунь смертельно перепугался, мгновенно втянул голову обратно и косым взглядом испуганно зыркнул на великое чудовище.

Великое чудовище вовсе не обращало на него внимания, и Мо Гунгунь с радостью снова принялся водить носом по сторонам.

Лу Сяоци сдержал улыбку: —

Малыш-панда шевелил носом, словно желая обнюхать эту штуку, а его чистые, как вода, зрачки были полны глубокого недоумения. Подергав черными ушками, он уселся перед экраном вплотную и принялся во все глаза разглядывать его.

Округлое тело панды закрыло большую часть экрана, так что Лу Сяоци, опустив голову, теперь мог видеть разве что панду-ученого.

Ой, а это что такое?

Ушки Мо Гунгуна встали торчком, когда он уставился на внезапно появившуюся в углу экрана белую точку и заметил, как она замигала раз-другой.

Какая интересная штука, до чего же классная вещь у великого чудовища!

Мо Гунгунь протянул маленькую лапку и ткнул снова, после чего на экране появилась еще одна точка, которая тоже принялась мигать.

Ой! — радостно заморгал он. Пусть это и не то место, куда он тыкал, но все равно безумно весело. Маленькие лапки Мо Гунгуна забегали по экрану туда-сюда. Он даже загородил весь экран целиком, засуетившись обеими лапками, и был абсолютно счастлив.

Исследующий мир малыш пылал жизненной силой.

Постепенно этот пушистый комочек опустил голову и принялся обнюхивать собственный розовый животик.

И без того круглый, теперь он казался еще круглее. Мо Гунгунь попытался прикрыть живот хоть чем-нибудь, но не смог удержаться и снова уставился на этот небольшой участок кожи. Разглядывая и обнюхивая его, он высунул язычок и разок лизнул.

Наконец Мо Гунгунь положил обе черные лапки на живот, делая вид, что никакой шерсти он не терял.

Лу Сяоци тихо кашлянул, сдерживать улыбку было поистине трудно.

Он еще никогда не испытывал подобного удовольствия. Этот малыш словно служил для него источником радости, и даже будучи обремененным тяжелыми мыслями, Лу Сяоци сохранял душевное равновесие. Лу Сяоци думал, что, возможно, именно благодаря этому крохе ему удастся восстанавливаться с такой невероятной скоростью.

На улице уже совсем стемнело.

Мо Гунгунь посмотрел на великое чудовище, затем на небо и наконец с опозданием сообразил, что пора домой. Осторожно соскользнув с тела великого чудовища, Мо Гунгунь присел на землю и жалобно заурчал, обращаясь к нему.

Лу Сяоци прищурился.

Мо Гунгунь не стал церемониться с великим чудовищем, неуклюже привязал к себе шесть-семь бамбуковых побегов и не спеша заковылял вразвалочку.

Стоило малышу уйти, виляя задом, как улыбка на лице Лу Сяоци постепенно погасла. Он опустил взгляд на экран и замер.

Экран, хранивший до этого полное молчание, в какой-то момент отобразил звездное скопление.

Удивление мелькнуло и тут же исчезло, а черные зрачки Лу Сяоци стали еще более глубокими и непостижимыми.

Мо Гунгунь совершенно не подозревал, какое потрясение вызвал экран у великого чудовища. Вернувшись в свое дупло, он увидел ту заветную баночку с медом и фиолетовые паровые булочки, и у панды тут же радостно изогнулись глаза. Он счастливо подбежал и, словно черно-белый шар для боулинга, врезался в кучу бамбуковых побегов, разбросав их холмик в разные стороны.

Черно-белый шар для боулинга всюду катался туда-сюда среди побегов, донельзя довольный.

Что же касается облысевшего места, Мо Гунгунь временно решил делать вид, будто знать ничего не желает.

Уставившись на доверху забитое добро сокровище в своем маленьком дупле, Мо Гунгунь

чувствовал себя невероятно богатым. Непонятно почему, но среди всех сокровищ именно этот красный шар вызывал у него наибольшую симпатию и привязанность. Забравшись в сухую траву, Мо Гунгунь снова не удержался и обнял его.

Мысленно сравнив свою крошечную травяную постель с ложем великого чудовища, Мо Гунгунь вновь испытал удар по самолюбию.

В те мгновения, когда он потерял бдительность, красный шар снова разок мигнул. Наигравшись и вдоволь проспав весь день, маленький Гунгунь снова начал клевать носом.

Прижав к себе остатки рухнувшей самооценки, Мо Гунгунь в полусне провалился в сон.

Ночью в маленьком дупле вспыхнул красный свет.

Спустя мгновение пушистый малыш внутри исчез, превратившись в голенького, пухленького младенца.

Без шерсти ночи в лесу ощущались ужасно холодными.

Мо Гунгунь задрожал от холода и попытался как следует сжаться в комочек, однако его тело всё же отличалось от прежнего, и свернуться кругленько никак не получалось.

Дрожа всем телом, он сел и тихонько чихнул, издав сладкий детский звук.

Ему стало невыносимо холодно, и он опустил голову, чтобы осмотреть свой лишенный шерсти живот, после чего захлопал глазами раз, другой.

Когда до него по-настоящему дошло, как выглядит его гладкий животик, малыш окончательно опешил.

Мо Гунгунь: — $\Sigma(^{\circ}\Delta^{\circ}|||)\square$ —

Сонливость улетучилась в одно мгновение, от испуга у Мо Гунгуни шерсть встала дыбом — правда, теперь на человеческом теле. Пухлый малыш растянулся на земле плашмя, задрал короткие пухлые ножки. Он попытался дотронуться до себя ручонкой и обнаружил, что его пушистые передние лапки тоже превратились в нечто безобразное.

От ужаса Мо Гунгунь был близок к обмороку.

Мо Гунгунь: — Вот это да! —

Уставившись на свои свежееиспеченные нежные ручки, Мо Гунгунь растерялся, но в то же время чувствовал смутное знакомое ощущение.

Погодите-погодите!

У великого чудовища, кажется, были точно такие же голые ручки. Неужели, неужели он подхватил от великого чудовища какую-то страшную болезнь?

Вчера у него выпала шерсть на животе, а сегодня облезло всё тело.

Его прекрасная шерстка!

Мо Гунгунь отказывался верить происходящему, полагая, что это просто страшный сон. Он изо всех сил ущипнул себя — боль оказалась дикой.

Немигающим взглядом уставившись на свое новое тело, Мо Гунгунь оцепенел, словно лед.

Он превратился в чудовище — из тех самых, отвратительных на вид. Он больше никогда не сможет стать красивой и мощной пандой.

Чем больше Мо Гунгунь думал об этом, тем сильнее пугался и печалился. Жалобно шмыгнув носом, он скривил ротик, огромные черные глаза наполнились влагой, губы задрожали, и в конце концов он залился горькими слезами. Крупные слезинки градом катились из глаз, до того ему было обидно. Даже густая черная шевелюра не могла спасти малыша от внутреннего отчаяния. Пухлыми ручонками он размазывал слезы по лицу и плакал навзрыд, прерывисто вздыхая.

Ему было стыдно людям показаться.

А великое чудовище, пожалуй, больше и вовсе не узнает его. О каких прекрасных перспективах мечталось Мо Гунгуню перед сном, и до чего же убогим он чувствовал себя теперь. Прижимая к груди красный шар и воображая свое мрачное будущее, он невольно вспомнил обо всех достоинствах великого чудовища.

Мо Гунгунь заплакал еще горше, обнажив нежно-розовые десны, на которых прорезались всего два маленьких молочных зубика. Выплакавшись до изнеможения, он всхлипывая принял к красному шару, закрыл опухшие красные глаза и крепко обхватил шар ручонками, словно надеясь найти в этом хоть какое-то утешение. Самим не заметив как, он заснул. Проснувшись в один прекрасный момент, малыш резко сел, желая проверить, не приснился ли ему всего лишь кошмар.

Однако реальность заключалась в том, что он не восстановился — он превратился в сущие обличья монстра.

Надежда в его глазах разбилась вдребезги. Мо Гунгунь, терзаемый скорбью, схватил бамбуковый побег, собираясь погрызть его, но из-за пары нежных молочных зубов не смог даже откусить кусочек — на кожице побега остался лишь мокрый след.

Мо Гунгунь тупо уставился на побег: — —

Неужели он умирает?

Он больше не обнимал красный шар и не ел бамбук. Мо Гунгунь снова заплакал и уткнулся носом в сухую траву. Прежде уютная постель из сена теперь казалась колючей, холодной и жесткой. Он изо всех сил постарался свернуться клубочком, мелко подрагивая всем телом, и вид его был поистине измученным, а на длинных ресницах еще блестела слезинка.

Мо Гунгунь и сам не понял, сколько проспал в этом полузабытьи. Просыпаясь, он брал в рот кончик бамбукового побега и предавался горькой обиде. Устав, снова засыпал, совершенно сбитый с толку и словно лишенный всякого смысла жизни панды.

По правде говоря, для Мо Гунгуня всё так и обстояло.

Невозможность поесть бамбука была равносильна гролю среди ясного неба, а в довершение ко всему у него не осталось даже шерсти, чтобы согреться.

Это было хуже любого удара молнии.

Между тем Лу Сяоци начал тревожиться: малыш не появлялся уже целый день. Обычно в это время кроха был на месте, неужели что-то случилось?

Нахмурившись и помолчав пару секунд, Лу Сяоци все же взял манипулятор и поднялся на ноги.

Пожалуй, стоит проведать этого маляру.

Вдруг он просто объелся до отвала? На сердце у Лу Сяоци зашевелилось странное беспокойство — он не знал, к добру это или к худу. Однако здесь этот кроха действительно стал для него одним из важнейших душевных оплотов.

Подойдя к маленькому дуплу, он смутно слышал плач. Сузив зрачки, Лу Сяоци ускорил шаги...

15. Превращение и встреча с главнокомандующим

Мо Гунгунь убивался от горя. Прошло уже столько времени, а ему по-прежнему было холодно, жутко и голодно.

Он собирался умереть.

Ковыляя, он попытался подняться на ноги, но совершенно не умел ходить на двух ногах, поэтому пошатнулся и шлёпнулся носом в землю.

Где упал, там малыш и растянулся, смахивая слезы и всхлипывая.

Заплаканный Мо Гунгунь: — Мн... мн-у-у. —

Плач отнимал слишком много сил и энергии, и вскоре Мо Гунгунь, обнажив пухлый зад, уснул прямо на холодном полу.

На его личике все еще читались следы обиды и горя, брови были нахмурены, а нежно-розовые губки надуты.

Даже во сне Мо Гунгунь время от времени вздрагивал и всхлипывал.

С закрытыми глазами малыш не заметил, как вспыхнул и погас слабый красный свет, а его всхлипывания слегка изменились. Пухлые ножки снова превратились в лапки — мягкие, пухленькие, но вместо голой кожи их вновь покрыла густая шерстка.

Он снова превратился в ту самую панду с проплешиной на животе.

Совершенно не подозревая, что он больше не уродливое маленькое чудовище, Мо Гунгунь продолжал утопать в пучине скорби.

Нежный плач звучал тихо и жалобно.

Услышав знакомый голос малыша, Лу Сяоци в два счета преодолел расстояние и увидел, что кроха лежит на земле, донельзя несчастный, и заливается слезами. Побег бамбука валялись повсюду, а красный шар и чашка скатились в угол, словно здесь побывали грабители.

Лу Сяоци замер.

Он опустился на колени и осторожно поднял кроху на ладонь, собираясь заговорить, как вдруг малыш яростно взвился и полоснул его лапой.

Лу Сяоци потерял бдительность и принялся прямо в лицо. Перед глазами у него неожиданно

мелькнул красный свет, смутно явив образ пухлого младенца, а в следующую секунду накатила волна непреодолимой сонливости. Лу Сяоци с трудом заставил себя поморгать, после чего бросил глубокий взгляд на маленькую панду, которая молнией нырнула в сухую траву, оставив снаружи лишь зад и крошечный хвостик.

Лу Сяоци рухнул на землю, взмахнувший хвостом военачальник разворотил кусок почвы неподалеку — этот хвост поистине наводил ужас на все живое.

Грохот до смерти напугал панду. Вспрыгнув всем телом, малыш втянул зад и окончательно зарылся в сено. Просидев внутри пару минут и приводя в порядок чувства, Мо Гунгунь наконец обрел рассудок. Он дрожащим движением высунул голову и испуганно огляделся.

Мо Гунгунь: — $\Sigma(^{\circ}\Delta^{\circ}|||))\square$ —

Разглядев лежащего на земле крупного монстра без сознания, Мо Гунгунь словно молнией поразило.

Вспрыгнув из сена, он бросился к великому чудовищу и принялся хлопать его лапкой по лицу.

В представлении маленького Гунгуня великое чудовище обладало колоссальной силой, а теперь оно выглядело трупом. Маленькая панда перепугалась до полусмерти. Она принялась бегать вокруг великого чудовища, тревожно урча. К сожалению, великое чудовище не подавало признаков жизни.

Мо Гунгунь отчаянно закрутился на месте, пока наконец не заметил лианы. Не раздумывая ни секунды, он связал великого чудовища, примотал один конец к себе и изо всех сил поволок его к воде. По логике вещей, у Мо Гунгуня не должно было хватить силенок, но он действительно сдвинул его с места.

Добравшись с великим чудовищем до воды, Мо Гунгунь едва не расстался с душой от усталости.

Однако его совершенно не волновало, устал он или хочет пить. Плюхнувшись в воду и промочив всю шерстку с ног до головы, он так же стремглав побежал обратно и принялся стряхивать воду с себя на лицо великого чудовища. Проделав это несколько раз и окончательно выбившись из сил, Мо Гунгунь бессильно растянулся прямо на лице великого чудовища.

И без того горькие эмоции всколыхнулись с новой силой. Еще не осознавший, что он снова превратился в панду, Мо Гунгунь обхватил лицо великого чудовища лапками и зарыдал. Зрелище выглядело донельзя натурально, напоминая обряд оплакивания усопших.

Жалобное урчание малыша звучало невероятно трогательно, а катившиеся градом слезы

капали прямо на лицо Лу Сяоци. Главнокомандующий дрогнул веками и несколько секунд спустя приоткрыл глаза со все еще ошеломленным выражением лица.

Мо Гунгунь не заметил этого и продолжал горько плакать, выплакав, пожалуй, все слезы, какие были положены ему на всю жизнь.

Услышав звуки, Лу Сяоци почувствовал что-то пушистое на лице, озадаченно опустил взгляд и замер в изумлении.

Малыш плакал так надрывно, захлебываясь слезами, что у Лу Сяоци от жалости защемило сердце, и он даже засомчался: не помер ли он часом на самом деле?

Его черные зрачки сперва беспокойно метались, но в конце концов смягчились. Лу Сяоци протянул руку и погладил кроху.

Лу Сяоци: — Я в порядке. —

Плач Мо Гунгуня оборвался на полуслове. Со слезами на глазах он тупо уставился на Лу Сяоци.

В глазах Лу Сяоци промелькнуло веселье: — Мне уже лучше. —

Словно от сна очнувшись, Мо Гунгунь ощутил, как у него внезапно шерсть встала дыбом по всему телу. Мокрый пушистый шарик крутанулся на месте и бросился наутек, но короткие лапки запутались, он споткнулся и кубарем покатился прямо в воду. Повозившись там несколько раз и с трудом вынырнув, он случайно увидел свои пушистые лапки и лишь тогда сообразил, что снова прежний.

С несказанной радостью уставившись на лапки, он позабыл обо всем на свете, завертелся волчком в воде и, разглядывая свое пушистое тельце, радостно заурчал, уже толком не понимая, что именно он издает.

Счастливый Мо Гунгунь выпрыгнул на берег и принялся триумфально отряхивать капли воды.

Даже несмотря на нехватку клочка шерсти на животе, для Мо Гунгуня, обретшего здоровье на краю отчаяния, всё вокруг казалось прекрасным.

Пусть даже клочка не хватает — всяко лучше, чем облысеть целиком.

Счастливый Мо Гунгунь обхватил себя лапками за хвост и сделал несколько кувырков, напрочь забыв о великом чудовище.

Затем он вприпрыжку подбежал к великому чудовищу и сделал пару кругов на месте.

Мо Гунгунь: — Мн-мн, мн-ау. —

Смотри, он восстановился! Теперь он снова чистокровная панда, его шерстка вернулась!

Панда чуть Богу душу не отдала от страха, мн-мн!

А Лу Сяоци действительно был ошеломлен. Решив, что малыш радуется его пробуждению, он почувствовал, как его собственное сердце наполняется ликованием. Втайне он пообещал себе относиться к крохе еще лучше — так, как он того заслуживал. Обе стороны испытывали счастье, и хотя между ними возникло некоторое недопонимание, это придало их сосуществованию атмосферу странной гармонии и тепла.

Весь мокрый, Мо Гунгунь казался чуточку меньше ростом, но в отличие от кошек и собак, которые после купания словно меняют породу до неузнаваемости, панда Гунгунь отличалась внушительным природным запасом жирка, а потому ее габариты почти не изменились.

Он по-прежнему оставался округлым маленьким пушистым комочком с круглой мордашкой.

Обретя шерсть, Мо Гунгунь вновь полюбил воду, вытер мордочку и задорно заплескался, оказавшись не в силах остановиться.

По правде говоря, он и впрямь был безумно возбужден.

Лу Сяоци приподнялся, уставившись темным взором на смутные следы волочения на земле, и долго молча трогал свою влажную и грязную спину.

Счищая с головы комочки грязи и глядя на радующегося малыша, главнокомандующий сохранял мрачноватый и неопределенный взгляд.

Задумчиво посмотрев на лианы, Лу Сяоци укрыв в глубине глаз зарождающиеся сомнения и догадки.

Все остались довольны. У Мо Гунгуня были знатные темные круги под глазами, но стоило ему снова стать пандой, как следы припухлости исчезли, и вид у него перестал быть столь жалостливым. Здесь же громоздилась целая стопка бамбуковых побегов, и пушистая панда с зелеными от жадности глазами бросилась вперед, вцепляясь зубами в стебли и хрустя ими направо и налево.

Мо Гунгунь действительно проголодался до состояния полного истощения.

Он не ел уже два дня, что для панды, которой требуется колоссальное количество пищи для восполнения энергии, являлось настоящим кошмаром.

Теперь же его шерсть и острые зубки вернулись.

Усевшись прямо посреди бамбуковой горы, Мо Гунгунь больше не двигался с места, с блаженным видом запихивая в рот сладковатые побеги.

После этого крошечного недоразумения атмосфера между человеком и пандой стала еще более гармоничной.

Впрочем, Лу Сяоци лишний раз убедился, что происхождение малыша наверняка не так просто, хотя подробностей он пока не знал.

А про тот красный свет перед погружением в сон и прочие мелькнувшие образы он вспомнить уже не смог.

После этого случая Мо Гунгунь на абсолютно законных основаниях оккупировал маленький коврик великого чудовища — воспоминания о прежней постели из сена оставили у него слишком сильное впечатление. Поэтому он намертво прилип к коврику великого чудовища и по вечерам разваливался на нем подобно маленькой черепахе, бессовестно прибегая к тактике наглого вымогательства.

Лу Сяоци тоже привык к тому, что малыш повсюду таскается за ним следом, и не видел в этом ничего дурного.

Стоило ему потянуться за каким-нибудь инструментом, как кроха тут же лукаво моргал большими сияющими черными глазенками и обеими лапками подавал нужную вещь.

Сердце сурового и жесткого Лу Сяоци таяло от этого зрелища.

Наевшись досыта и желая порезвиться, Мо Гунгунь вился вокруг великого чудовища. Когда тот чинил мех, малыш сперва держался на почтительном расстоянии, затем подобрался ближе, еще ближе и в конце концов устроился прямо у него на щиколотке, усевшись на подъеме стопы, либо забирался по ноге меха наверх, отыскивая удобное местечко, чтобы лениво попринимать солнечные ванны.

Те два скелета оказались невероятно ценной добычей: с их помощью он устранил давнюю скрытую неполадку, хотя этого все равно катастрофически не хватало.

Слишком мало.

Если он хотел починить всё до конца, требовалось еще немало материалов. Поразмыслив об этом, Лу Сяоци решил проверить ловушки, расставленные им пару дней назад, чтобы узнать, попалась ли добыча, и заодно испытать удачу в поисках материалов.

Мо Гунгунь превратился в преданного фаната Лу Сяоци, проводя с ним рядом каждую секунду. За пару дней он перетаскил всё своё нехитрое имущество, выкопал в углу палатки ямку, аккуратно закопал добро и устелил сверху сухой травой.

Что же до великого чудовища, Мо Гунгунь доверял ему и ничего не скрывал. Как обычно усевшись на коврик и с довольным видом посасывая чашку с медом, он вдруг увидел, что великое чудовище собирается уходить, поспешно отставил мед и бросился за ним следом.

Мо Гунгунь озадаченно моргнул: — Мн-ау, мн? —

По привычке обхватив лапами щиколотку великого чудовища и устроившись на его стопе, Мо Гунгунь запрокинул голову и заурчал.

Лу Сяоци по привычке подхватил его и водрузил себе на плечо: — Я иду на охоту. Останешься здесь или пойдешь со мной? —

<http://bllate.org/book/21220/2147341>